

и внутренней, за каждым мѣропріятіемъ, до котораго ему, казалось бы, не было никакого дѣла. На Германію онъ въ то время принялъ сморъ, какъ на естественную союзницу и защитницу противъ воображаемыхъ русскихъ притязаній и захватныхъ плановъ. Въ результатѣ—въ высшей степени снисходительное отношеніе къ подвигамъ германскихъ подводныхъ лодокъ, безпечно догавшихъ шведскіе пароходы, и придиричьную цензурность, какъ только дѣло касалось морскихъ мѣропріятій нашей союзницы Англіи, будто бы нарушающихъ свободу шведской торговли. Но Германія, разумеется, не удовлетворилась столь ничтожными выгодами. Она во что бы то ни стало стремилась поглотить Швецію въ мировую войну, заставить ее проливать кровь ее сыновъ ради германскихъ интересовъ и торжества германскаго оружія. Когда же она убѣдилась, что Швеція не пожелала на эту удочку, Германія снова прибѣгла къ излюбленной ею системѣ террора и стала усиленно топить шведскія торговые суда, не обращая ни малѣйшаго вниманія на законныя жалобы и протесты шведскаго правительства. Со своей обычной прамолинейностью и настоячивостью она дѣйствовала страхомъ, гдѣ не помогали другія средства, какъ будто не сознавая, что ее поведение можетъ вызвать результаты совершенно обратныя тѣмъ, на которые она рассчитывала.

Е. П.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ окончаніемъ австро-германскими войсками своихъ позицій по Стрѣмѣ, операция, предпринятая генераломъ Бруно-вицъ въ концѣ мая, можетъ считаться завершенною: противъ въ двухъ мѣстахъ неприятельскаго фронта пріять въ общему его свѣту. Теперь начинается новая операция вытѣсненія противника изъ восточной Галиціи и приведенія его арміи въ возможно большее разстройство.

Отступленіе—маневръ вообще очень трудный, въ особенности подъ ударомъ побѣдоноснаго противника: оно требуетъ огромной выдержки, а отъ командованія—искусства и изобрѣтательности. Для нашихъ враговъ, конечно, весьма важно прежде отступленія къ Львову использовать оборонительныя свойства территоріи къ востоку и югу отъ него, чтобы выиграть время въ надеждѣ, что обстановка сложится болѣе для насъ благоприятно, хотя бы въ смыслѣ наступленія осенней распутицы, при которой операция войскъ нашей замедлитъ свой темпъ.

Потому весьма интересно намѣтить естественныя рубежи, которыми австро-германцы могутъ воспользоваться, какъ стратегическими позиціями, для отпора нашему наступленію. Совершаясь последнее, какъ было въ 1914 году, въ направленіи съ востока на западъ, такыя рубежи представлялись бы многочисленными лѣвными притоками р. Днѣстра, текущими меридиально. Но въ данное время мы соединяемъ фронтальное наступленіе съ урѣзаннымъ обходомъ праваго фланга неприятельскихъ арій, притомъ настолько быстрымъ, что для послѣднихъ представляется уже сомнительная возможность задержаться, напримеръ, на р. Золотой Липѣ. Если же операция генерала Деллантаго противъ Галича увѣнчается быстрымъ успѣхомъ, то и линия р. Гнилой Липы не долго будетъ полезна неприятелю.

Наступленіе же ген. Лежича развилось очень успѣшно: его войска почти овладѣли Станиславовицъ тотчасъ же перешли на лѣвый берегъ р. Быстрицы Золотановской и продвинулись въ сѣверо-западномъ направленіи; въ этомъ можно предугадать маневръ выхода къ Галичу на перекрѣтъ всѣхъ путей, отходящихъ отъ него на западъ на правую сторону р. Днѣстра. Въ то же время лѣвыми берегами къ нему быстро направляются лѣвый флангъ арміи ген. Шербакова: 31 июля его войска уже заняты м. Маріамполь, отстоящее отъ Галича на разстояніи мѣлье перехода.

Развивая свои операціи въ сѣверномъ направленіи, ген. Лежичъ зорко слѣдитъ за австрійскими войсками, которыя могли бы оказать давленіе на его лѣвый флангъ изъ Венгрии. Съ этой стороны противникъ уже предпринималъ рядъ наступленій, но каждый разъ они встрѣчались нападѣмъ надвѣвающей отъ юга. Заняты Надворной (29 июля) окончательно упрочило положеніе арміи ген. Лежича въ южной Галиціи, т. е. владѣя всюю сѣвную железнодорожную стѣну къ югу отъ Днѣстра и находясь между двумя неприятельскими группами, потерянными между собою связю, они получили возможность использовать выгоды своего внутренняго положенія.

Отступленіе арміи ген. Ботнера совершается очень быстро: въ первый же день она мѣстами отошла на 20 верстъ. Видя всякаго сомнѣнія, что наши войска не успеваютъ слѣдовать за ними, противникъ урѣдъ, и его отходъ происходитъ подъ малѣйшимъ давленіемъ. Къ вечеру 31 июля неприятельскій фронтъ къ югу отъ Бродъ занималъ линію Олеско—Зборовъ—Полтава (на вѣрхней стѣнѣ)—Подгайцы—Завальне и Корюво на Золотой Липѣ и давле на западъ на лѣзубьяхъ на Днѣстрѣ, — Угриновъ—Золотанова.

Волжск.

Женскій вопросъ и война.

Безпримѣрно по продолжительности и развѣржамъ требующая отъ жертвъ война привнесла основательную ломку во многія сферы жизни государственной, общественной и семейной. Изъ неутомимыхъ требованій империализма установившіеся взгляды, позволившія вѣковымъ традиціямъ, долгие брели въ простоту и быстроту рѣшить вопросы, по своей сложности и запутанности казавшіеся почти неразрѣшимыми. Для примѣра достаточно указать на историческую проблему о проливахъ въ международной политикѣ и на

веденіе обязательной военной службы въ государственной жизни Великобританіи. Но на одной изъ задачъ, выдвинутыхъ на очередь жизни за послѣднія десятилѣтія, война не отразилась, быть можетъ, съ такой очевидной опредѣленностью, какъ на женскомъ вопросѣ.

Вѣкъ еще памятна страстная борьба, кипѣвшая почти накануне войны вокругъ этого аномальнаго вопроса. Западный потому, что онъ всегда вѣдовавшая и замѣтныя недостаткомъ соперничества и взаимнымъ непониманіемъ представителей обоихъ половъ, доходившихъ въ своемъ увлеченіи до смѣшныхъ и нелѣпыхъ крайностей. Съ одной стороны мужнина, дорожившія дѣлостью семьи, святою домашнимъ очагомъ, теплымъ уютомъ, создаваемымъ заботливой и умной женскою рукою, создававъ эгоистическія теоріи въ стилѣ знаменитыхъ 4 К. кайзера Вильгельма (Kirche, Küche, Kinder, Kleider), строго ограничивавшія кругъ женской дѣятельности, низводившія данную ему Богомъ и природою поруку на степенъ низшаго существа, неспособнаго подняться до уровня широкихъ замысловъ и интересовъ своего повелителя и господина. Съ другой—женщина, чувствующая въ себѣ духовныя силы, часто не уступающія мужскимъ, особенно женщина, лишенная семьи и сѣдовѣательно, возможности исполнить свое специально женское призваніе, вынужденная самостоятельно пролагать себѣ путь въ жизни, не хотѣла вырваться съ ограниченною сферѣ призыванія женскаго труда, съ высокими, но отнесеніемъ къ нему мужскимъ, съ видкой его оплатою, возмущалась устраненіемъ ее, независимой и сильной, отъ участія въ политической жизни страны. Въ результатѣ борьба упорная, ожесточенная, принимавшая подчасъ столь уродливыя и несовѣстимыя съ понятіемъ о женственности формы, съ какими мы познаемълиса на прискобныхъ подвигахъ суфражистовъ въ Англіи. Добрый геній домашняго очага внезапно превращался въ разпузданную мегеру, возбуждавшую негодованіе и насмѣшки, безостановочно глумившую свое дѣло. И развѣ только грубая крестьянская женщина, чуждая этой истинной борьбы, оставалась по-прежнему спокойной и беззаботной рабой своего мужа, неся свой тяжкій трудъ, не требуя взамѣнъ никакихъ правъ.

Но вотъ надъ миромъ разразилась катастрофа, которой давно ждали и боялись, все-таки не вѣря въ ее возможность, и постепенно измѣнялось, толико по малостию возмѣжнаго жезла. Мужчины, призванные подъ знамена, ушли своимъ трудомъ за границу, безопасность своего домашняго очага, своей кровли запечатлѣвъ вѣрности долгу и любовью къ родицѣ. Для женщинъ всѣхъ классовъ, всѣхъ степеней образованія, всѣхъ вѣдѣній и направленій, отъ уступчивой и прасивно утичной до тупой и грубой работницы, открылась широкое поле дѣятельности, а также и обязанности, и ответственности. И женщина, какъ одинокая и независимая, такъ и мать семьи, съ одинаковымъ увлеченіемъ принялась за дѣло, съ головою ушла въ работу, блестяще доказавъ, что она въ состояніи одновременно выполнять и трудную мужскую задачу служения государству и пропитанія семьи, и свои женскія обязанности матери, воспитательницы и хозяйки. Англическія суфражистки, съ присущей имъ страстностью первыми ринулись въ море кипучей, неутомимой дѣятельности; ни въ чемъ не отставъ отъ нихъ женщины французскія и русскія, духовно, быть можетъ, одаренная богаче ихъ всѣхъ. На долю крестьянскихъ женщинъ, мѣнье всего заинтересованной женскимъ вопросомъ, выпала при этомъ трудъ наибольшей государственной важности, трудъ обработки, обмѣнчиковъ полей и сбора урожая. Скромно и незаметно справляясь она съ этой задачей и не мѣняе другихъ можетъ гордиться занятымъ положеніемъ и достигнутыми результатами.

Какъ ни продолжительна, однако, мировая катастрофа, она когда-нибудь кончится, она уже приближается къ концу, и жизни народовъ снова вернется въ свое прежнее мирное русло. Отны, мнѣла, братья, снымыя возвратятся къ своимъ привычнымъ семьямъ, къ прежнимъ обязанностямъ, къ оставленному труду. Многіе не вернутся съ поля, многіе не доживутъ въ радостный часъ побѣды; но въ общемъ положеніе все-таки уравновѣсится, приблизится къ нормамъ мирнаго времени. Какъ бы тогда женщины, занявшія въ годы войны столь неслыхательные положенія? Уступитъ ли завоеванное ею поле дѣятельности, оставитъ занятія позиціи, отречется отъ приобретенныхъ правъ? Или снова возобновитъ борьбу, возбуждая подозрѣнія, зависть, вражду, пошлыя и несправедливыя обвиненія? Или избрать золотую середину, постараться примирить vlastныя требованія семьи съ общественными интересами, найти равновѣсіе между трудомъ ради блага домашняго очага и ради заработка, часто очень важнаго и необходимаго. Женщина, выросшая и сформировавшаяся въ мирное время, привыкшая найти выходъ изъ всякаго въ виду непримиримыхъ противорѣчій, сумѣетъ устоять противъ искушенія сохранить случайное занятіе въ перепутанное положеніе. Она пойметъ, что мужнина и женщина созданы, чтобы взаимно дополнять другъ друга; что бремя, съ такой готовностью возложенное ею на свои плечи, слишкомъ тяжело, чтобы нести его въ теченіе цѣлой жизни; что изобрѣсти себя неспособнаму трудомъ, она поведетъ роду къ вырожденію и гибели; что ей специально женское дѣло быть женою и матерью, давать детей и воспитывать новое поколѣніе, болѣе почтено и труднее, чѣмъ казанъ-либо инъ, доступная ей дѣятельность: потому что выполнятъ эту свяную обязанность способна только она одна, и это единственная об-

ласть, гдѣ у нея не можетъ быть ни соперниковъ, ни завистниковъ. Е. П.

Бой броневиковъ.

П. Курдюмовъ въ «Нов. Вр.» даетъ очень живую картину новаго вида боевыхъ столкновеній—нападѣній броневиковъ. «Дѣло очень свѣжее. Наши войска пробивали брешь подъ Луцъ. Противникъ былъ только что сбѣгъ. Требуется стремительность, быстрота, чтобы не дать возможности противнику организоваться и оминуться. Въ то время, какъ конница широкимъ фронтомъ гнала бѣгущихъ толпы австрійцевъ, двѣ броневыя машины изъ плеча по шоссе заднимъ ходомъ, разстрѣливая изъ пулеметовъ цѣны, развѣдывали колонны противника. Попаденія машины плесло неопредѣлимую панику. Все бѣжало отъ нихъ въ стороны, въ тѣни, деревни... Моты были подожжены. Одинъ изъ нихъ машина просочилась позадъ холма. На ша пѣхота осталась далеко позади, вѣрстахъ въ 6. Пулеметныя громады были представлены самимъ себѣ. Предстоялъ моментъ ихъ инициативы и почива.

Впередъ выдвѣлось перебившее шоссе съ желѣзною дорожкой, по которой шель бронированный поездъ въ составѣ 3-вагоновъ. Могло легко произойти, что этотъ поездъ зашелъ бы во флангъ и тылъ нашимъ частямъ, и обстановка въ этомъ мѣстѣ измѣнилась бы. Головная машина остановилась. Противникъ выдвинулся, руки снимаются подрывными пашками. Минута—и раздается взрывъ. На поездъ это замѣтно. Онъ остановился и пошелъ заднимъ ходомъ. Сейчас же въ томъ направленіи, гдѣ былъ поездъ, раздались выстрѣлы. Что это было—сказать трудно.

Пѣхота противника прочно засѣла въ окопахъ. Или въ окопѣ, наши роты рисковали нести большія потери. «Лачный» и «Алексій» бросаются въ земляныя закрытія на 100 шаговъ и открываютъ послѣдній атакій огонь. Сначала изъ окоповъ, гдѣ засѣлъ цѣлый батальонъ, слышны оружейныя дождики. Луны случаи по брони, какъ градъ. Ужасъ шелъ на наблюдателя не прекращаясь отъ потерь, и ваводчикъ головной машины былъ. Сопровоженіе пѣхоты, казалось, было сломенное: она замынула изъ окоповъ. Пожалуй, они продолжали бы иерше созданной машинами панику, но вдругъ загорѣлись ихъ пулеметы. Изъ всей длинной линіи австрійскихъ окоповъ въ машины полезли роты. Былъ подбитъ сначала одинъ пулеметъ, за нимъ другой. Создавалось явное неравенство, несмотря на броневое закрытіе... По пулеметное состязаніе, эта самая ужасная дуэль на такой близкой дистанціи, стала стихать. Побѣда была за машинами.

Надо ли описывать состояние людей, закуоренныхъ со всѣхъ сторонъ броней? Обнажаются потомъ, тяжело дышать, но дѣло свое не оставляютъ, несмотря на ужасныя условия. Главное—одни. Пѣхота стала подходить, когда окомъ замочили.

На слѣдующій день обѣ машины снова заняли позиціи противника, подъ рядъ дѣлались три раза. На этотъ разъ австрійскіе пѣхотинцы изъ нихъ шестидесятибомы Громидные фонтаны дыма и земли совершенно закрывали наши закрытія, не давая въ теченіе десятка минутъ вести наблюденіе. Пулеметы не отставали отъ пѣхоты. Вокругъ машинъ летѣли осколки, пули, все шлепалось о броню, за которой сидѣли герои.

Тутъ были ранены въ ногу командиръ взвода. Но едва на рану наложилъ повязку, какъ онъ снова былъ на машинѣ.

Повторю, трудно описать дѣла безсмертныхъ людей, которыми они вытѣсь новые и новые лавры своимъ именамъ: самъ тамъ не былъ и, естественно, упустилъ важные штрихи изъ ихъ переживаній.

Подозла пѣхота. Фронтъ былъ прорванъ, и машины открылись врата въ тылъ. Онъ бросился впередъ. Изъ окоповъ, заставлялъ падать на землю все живое. А послѣдствіемъ этого были цѣлые потоки пѣхотныхъ австрійцевъ, которыхъ пелечо было и думать вести борьбу.

«Лачный» и «Алексій» шли на Л—цѣкъ и вошли въ него первыми. Сейчас же они открыли огонь по позиціямъ у р. Стри. Моты черезъ нее уже были возвращены. Австрійцамъ ничего не оставалось, какъ сдать оружіе.

Какое громадное подспорье являютъ собой броневыя, когда они въ рукахъ людей безъ страха, съ военнымъ чутьемъ и инициативой.

Если днѣнь они вносили полную панику въ окопы противника, ночью, надо думать, ихъ дѣятельн граничатъ съ стихіей.

Впрочемъ, опи его доказали черезъ два дня.

Былъ составленъ планъ атаки броневыхъ заводовъ для прорыва расположенно австрійцевъ, съ выходомъ по ковельскому шоссе къ нимъ въ тылъ. Одинъ машинъ не развили бы широкаго размаха. И командиръ броневыхъ взводовъ предупредилъ командира пѣхоты.

Во второмъ часу ночи, при абсолютной темнотѣ, наши чудовища тронулись изъ дер. Килинъ—куш. Впередъ была пушечная машина, подъ командой подпоручика. Передъ нашими окопами былъ мирновыяныи костъ. Заеѣтъ со всѣми броневыими на воздухъ предстали мало. Рѣшили проинтервью развѣду. Шумъ моторовъ избудилъ окопы противника: онъ держалъ на моту сильный грузный огонь. Развѣдчикъ никакъ не могъ добраться до него.

Штабсъ—капитанъ рѣшилъ такъ: иначе дойти до моста. Раневый, такъ на паду, онъ чудомъ добрался до него и убѣдилъ въ его исправности. Опять затрѣпала моторы. Командиръ взвода сѣдился на «Лачного», обогнать лучшую и сразу развивая страшный огонь изъ обоихъ машинъ. Хорошій ходъ быстро становилъ ихъ въ тылъ противника. Подозла паника. Австрійцы бросили шитовны и съ крикомъ бѣжали назадъ. Нѣкоторые, съ поднятыми руками на русское языкъ молили о пощады. Выбравъ одного изъ нихъ, штабъ приказалъ ему бѣжать впередъ и предупредить о переломѣ дороги, покаянны противника и т. д.

Успѣлъ развѣдчикъ. Не оставалось сомнѣній, что противъ удалось. Безпримѣрно лѣвъ стрѣльба австрійцевъ по сѣмъчизамъ лишь ободрила ихъ.

Однако положеніе затруднялось тѣмъ, что мѣль тысячъ патроновъ, оставалось

только одна. Надо было или вернуться назадъ пополнить боевые запасы, или на рискъ захватить еще большую полосу, не дать австрійцамъ, какъ говорится, перевести духъ.

Машины тронулись дальше. Онъ подвинулся къ д. Копачевъ—а, нашъ проводникъ остановился, схватилъ фуражку и сталъ ее махать.

— Смотрите, смотрите! — закричалъ онъ.

Почти передъ носомъ двигалась длинная колонна. Командиръ взвода выскочилъ изъ машинъ и потребовалъ сначи, угрожая разстрѣломъ изъ пулеметовъ. Въ отвѣтъ молчаніе. Даже какъ будто колонна прибавила ходъ. Раздалась команда на машинахъ, и головные свалались на земъ. За ними бросались на земю и всѣ остальные.

Нужно сказать, что темнота еще не разошлась—было около 3 часовъ утра.

Впередъ выдвѣлись очертанія моста. Надо было во что бы то ни стало оставить его за собою. Выводъ пошелъ гудъ. Чѣмъ ближе машины подходили къ моту, тѣмъ ярче вырисовывались длинные ленты коловъ, двигающихся по сторонамъ.

Раздаются короткія очереди на машинахъ, и колонны летятъ.

Осталось всего 500 патроновъ. Не было никакой надежды на помощь. Но уходить, бросить то, что было достигнуто съ такимъ трудомъ, невозможно, жаль потерянныхъ усилий. Рѣшили ждать подхода пѣхоты или другихъ машинъ.

Броневыя, такъ досаждавшие врагу, теперь стали мишенью для австрійцевъ. Изъ нихъ стрѣляли съ противоположнаго берега рѣки и изъ дер. Копачевы. Огонь былъ самымъ жестокимъ. Казалось, противникъ полагалъ, что у машинъ вѣтъ патроновъ, и держалъ ихъ подъ дождемъ пуль.

Вотъ въ это-то критическое время послышался шумъ мотора, и къ намъ пошелъ маленький, но замѣтный грузный, который велъ радовой Гузда. Этотъ молодецъ чувствовалъ, что машинъ вѣтъ и по собственному почтуну бросился въ тылъ врагу. Огонь, который сосредоточился на немъ, не остановилъ смѣлаго парня Гузда.

Лѣтний австрійскій перенесъ на машину 10,000 патроновъ и грузовикъ помчался назадъ. Теперь они вѣтъ просубу пѣхоты: какъ можно скорее идти на помощь машинамъ.

А сами бросились впередъ. Онъ въ деревнѣ. Онъ открываютъ огонь во флангъ и тылъ противника. Видимо, послѣдній успѣлъ оправиться. Не пѣтъ передъ собою ничего, крокъ броневыихъ, австрійцы вѣли ихъ подъ перекрестный огонь. Можно ли представить себѣ этотъ бой сверхчужды съ тысячами засѣвшихъ въ тыловыя окопы солдатъ? Стоялъ сплошной звонъ. Луны таранками по брони, мѣстами дѣлали въ ней ямки. Но пробить не было. Это обидно героеть, сдѣлаю ихъ дерзкими настолько, что они дошли до окоповъ, мѣстами на отъ шаговъ. Неподдались группы, пѣхоты, отдавшие стрѣльбу—и все это укладыли на мѣстѣ.

Стали попадаться ивѣны—ихъ можно было легко отличить по формѣ одеждъ. Противникъ усилился. Головная машина пошла подъ артиллерійскій огонь. Отъ огневой борьбы внутри броневыхъ корпусовъ было шумно. Радіаторъ кипѣлъ, буксвазъ конусъ, тормоза не работали. Дышать было до крайности трудно. Одинъ изъ пулеметовъ былъ разбитъ, въ другомъ выкинула вода, и онъ стрѣлялъ лишь одиночными выстрѣлами.

И тѣмъ не менѣе грозныя машины держали выжкомъ въ болѣе цѣны колонны противника. Онъ болѣе поднялся. Повторю,—уходитъ, броситъ савно начатое дѣло—жало. И машины работали. Въ одну изъ нихъ—удобно снарядами. Это было тогда, когда она была на моту. Машина лометь перла и падаетъ внизъ.

Ивѣны такъ ловко, подобрались. Видъ удачу, да еще такую рѣдкую, они стали швырять гранаты, пули, осколки.

Солдаты, кто мотъ, ососонны и бронеисидъ подъ моты. Тамъ уже былъ ивѣкъ. Началась рукопашная.

Пушечная машина отстрѣливалась отъ ивѣвъ въ унорѣ.

Боялись всѣ снаряды для пушечной машины,—она замолчала.

А въ это время бронированный грузовичокъ безпримѣрно подвозилъ группы на 10 человекъ намъ пѣхоту. Она была бѣзкомъ.

Бѣгство изъ лѣтна черезъ море.

Два сибиряка, недавно бѣжавшихъ изъ германскаго лѣтна необычайнымъ путемъ, черезъ море,—о замѣчательномъ побѣгѣ разсказываетъ въ «Нов. Временѣ» слѣдующее.

Оба бѣрыка, одинъ Григорій Даматовъ, попалъ въ лѣтна подъ Митавоу 3 июля прошлаго года, другой, младшій унтер-офицеръ Александръ Ральниковъ,—6 декабря 1914 года подъ Ловичемъ. Обоимъ судьба свела въ лагерѣ для военнопленныхъ въ Альталъ, гдѣ пришлось пережить всѣ непріятельскіе узакъ германскаго лѣтна. Въ нынѣшнемъ году эти лагеря болѣе всего солдаты ивѣны стали посылать на работу. Къ эту подготовку урочная положеніе была исключительно на русскихъ военнопленныхъ, такъ какъ рабочіе рукъ въ Германію теперь совершенно ивѣтъ. Ральниковъ и Даматовъ были отправлены на лѣтна работы въ Померанію. Въ окрестностяхъ Грейбенбургъ, неподалеку отъ побережья между Кольбергомъ и Балминомъ, ихъ устроили въ одной старой помпѣдѣ. Ивѣны стала въ-сколькю легче. Не было такого строгого надзора, какъ въ лагерѣ, но работать приходилось съ утра до ночи.

Мысль о побѣгѣ не оставалась сибирячюкъ ни на минуту. Давно уже въ лагерѣ Ральниковъ старался научиться ивѣному языку, на случай, если бы пригодилось. Два раза пытался бѣжать, но неудачно. Въ первый разъ 27 июля 1915 года съ двумя товарищами ушелъ изъ лагеря: пятакъ картошки, въ 12 дней прошанъ 200 верстъ и катъ на два околу Висмара, ночью въ пустыню, подъ натискомъ на одного стойкий пороховой побѣгъ.

Ивѣкъ часовой растерялся было, заволакъ съ запоромъ вытѣвъ и началъ стрѣлять только тогда, когда бѣгущіе укрывались подъ кусты. Жизнь была спасена, но подпадалъ тревога, и скрываться бы-

ло невозможно. 14 сутокъ ареста съ руками и ногами, закончанными въ тѣлесной цѣпи, энергія сибиряка не ослабла.

Черезъ два мѣсяца, подготовивъ 4 товарища, Ральниковъ пустился снова въ рискованное предпріятіе. Добрался до вуртора Мюрбарта. Только-что хотѣлъ съѣсть въ локу, какъ были захвачены во второй разъ. На 28 сутокъ послѣдній похъ усиленнымъ карауломъ въ темный и холодный карцеръ на полъ-фунта хлѣба и кружку воды. Испытаніе тяжелое было. Послѣ казачанія, едва-едва удалось оправиться, сейчас же послали снова на работу.

Товарищъ Ральниковъ, Григорій Даматовъ былъ подъ парю ему. Закаленный сибирякъ тоже неслегко поддавался невѣдѣ. Черезъ три дня послѣ поимки въ лѣтна пытался выскочить на полномъ ходу изъ поезда, отправляющагося отъ Митавы вълугу Германію. Бѣгство не удалось. Побѣгъ остановленъ, бѣгача догнали.

Здѣсь, въ поимствѣ старой ивѣны, два ума стали работать лучше. Обстановка благоприятствовала побѣгу. На почъ послѣ тяжелой дневной работы на почъ молодецъ заперла въ ковшину, гдѣ рядомъ съ лодками для ивѣтъ было устроено помѣщеніе. Старая ивѣна сама каждый вечеръ пробовала, крѣпко ли заперта дверь. Въ окошко ковшины вѣдана была прочная желѣзная рѣшетка, спасеніе не помытавшая.

Питались седелкой съ картофелемъ, водичкой ивѣнскимъ супомъ и жидкимъ кофе, отпущаннымъ отъ ивѣны чрезвычайно скудно, надоело до крайности. Стали подготавливать третій побѣгъ.

За нѣсколько дней съюзномыя сахаръ изъ чернаго хлѣба въ дорогу. Ночью, 6 июня, когда всѣ въ лѣтна уноры, перекурили, близцы выломали рѣшетку, вылезли въ окош, поплазы почной темнотой, направились по дорогѣ. Дорога была знакома. Но ней не разъ голыли съ разными порученіями. Первую почъ прошанъ благополучно ко раскѣтъ. На дневку забрался въ рожъ, укаменъ въ колесяхъ 6 часовъ утра. Въ нѣсколькихъ саженяхъ, не подождавъ присутствія бѣгачевъ, работали наши военнопленные съ ивѣнами разгребали навозъ и поклаи картошки. До 5 часовъ вечера бѣгачевъ никто не замѣтилъ.

Послѣ обѣда на поае пришла погулять хозяйка съ сыномъ мальчикомъ. Нестычный попуталъ мальчугана сунуться въ рожъ развѣтъ васыльи. Старуха пошла съ нимъ и наткнулась какъ разъ на спиртаиушки. Ивѣка перепугалась. Раскрывъ ротъ, стояла и сморзѣла, ни слова не говоря, мнѣвъ пѣтъ, и очутился только тогда, когда наши молодецъ подвѣлись и побѣжали прочъ.

Въ счастіи, кругомъ не было ни одного солдата. Пара ивѣшекъ, работавшихъ на почъ съ лѣтними, не рискуя оставили своихъ работничковъ и гнались за бѣгачами. Женщина побѣжала въ деревнѣ, онъ же бросился между колесъ, разсыпавъ нававу. Погоны была не издалека. Страшнѣе всего были полицейскіе собаки. Отъ нихъ удалось укрыться.

Принувшись къ землѣ, Ральниковъ съ Даматовымъ прошли нѣсколько сотъ шаговъ, снова спрятались въ сторонѣ въ рожѣ. Ждали, что будетъ. Къ вечеру поплыли женскіе и мужскіе голоса. Слышно было въ тиши даже званіе собесѣднѣцъ цѣпей. Голоса скоро затихли. Бѣгачи слегка высунались. Смотрѣтъ, вѣды жандармы.

На третью ночь дошли до моря. Направились на сѣверъ къ морю, вѣдъ заливчика. Все время сморзѣли, не падаешь на лодочка. Въ одномъ мѣстѣ натолкнулись на прерванный рыбацкій лодку, но тамъ стоялъ часовой. Прошли еще версты 10 и образовались—у воды лежала старушка, небольшая лодка съ веслами. Это было расположилась маленькая деревушка. Убѣрившись, что тамъ никого нѣтъ, Даматовъ съ Ральниковымъ прокрались въ огорода, тамъ тамъ старое ведро и заперунали въ амъ прѣсной воды на дорогу.

Оборвавъ съ помощью большой лѣтны цѣпы лодку, ее столкнули въ воду и пустились въ путь, захвативъ 4 вѣса. Оба бѣгача отъ роду не видавали моря; грести даже и въ рѣкъ то никогда не приходилось, но научились живо. Лодка дала тѣтъ. Обрѣзали пробки отъ веревки, лежавшей въ лодкѣ, и закопачили лугу. Далеко на западъ виднѣлись сигнальные огни сторожевыхъ ивѣнскихъ судовъ. Рыску скемчично понастыя ивѣноспаса, стали держать курсъ на сѣверъ, провѣряя по компасу при свѣтѣ фонарика. На разсвѣтъ выдуть попутный вѣтерокъ, на два вѣса лѣтаны пѣжакъ и рубашку и сдѣлали самодѣльный парусъ. Лодка подала ходу; вѣтру въ этотъ моментъ на горизонтѣ показались парусники. Надо было скрываться. Парусъ скорее сняли и налегли на вѣса. Два парусника, очевидно, ихъ на замѣтили и скоро скрылись изъ виду.

Отъ берега отбѣжали далеко, и лодка пошла въ сильное теченіе въ проливѣ. Не лавало вертѣтъ во всѣ стороны. Вѣтеръ крѣпчалъ. Начинаясь поднялись сильные волны и захлестывали лодку. Непривычныхъ сибирячюкъ схватили морская болѣзнь. Страшная головная боль и врата мнутами атакывали брѣвѣтъ вѣса. Какъ на зло, волной захлестнуло ведро съ прѣной водой и они остались безъ воды. Хлѣбушка морекъ, жажда замучила еще сильнее. Къ вечеру бури усилилась, лодку стало относить быстро къ западу. Черезъ силу, чуть не падалъ отъ истощенія, налетѣли на вѣса.

Наступала вторая ночь на морѣ, темная, страшная и тоскливая, и началась страшная борьба за жизнь. Лодку швыряло, какъ перышко. Даматовъ сталъ рвать крокъ. Минутами хотѣлось выбрѣтаться лучше за борть, чѣмъ мучиться. Ральниковъ вырѣбалъ одинъ. Наконецъ, бросили вѣса и отдались теченію. Въ счастіи, съ разсвѣтомъ бури улеглась. Теченіе стало слабѣе. Сибиряки попеременно ложились на дно, чтобы отдохнуть. Когда разсвѣло, странно было сморзѣтъ другъ на друга. Житые, изморожденные, со вѣтлыми глазами, оба были похожи на мертвыхъ. Обсѣдланы въ концѣ. Стали уже торпѣ надежду. Далеко ли ихъ отнесло теченіемъ на западъ, не знали.

Назавъ на сѣверъ чаугадѣ и начали уже мечтать о широкѣ, который могъ бы ихъ спасти, но ни одного судна не было видно. Къ полудню замѣтны угоры, летѣвшихъ къ сѣверу. Обобрадованы, зналъ земля близко. Собраны послѣдніи эн-

ды и поддали ходу на сѣверо-западъ. Наконецъ, замѣтили на горизонтѣ черную точку. Это была земля, но островъ или материкъ и какой—не понимали. Радость скорая сменяла дѣла сдѣтъ, и вѣтъ послѣ 36 часовъ мотанія среди волнъ близцы добрался до земли. Измученные, они тутъ же упали на берегъ. На счастіе вѣтны пріютились деревушка. Тамъ сейчасъ же замѣтила женщина, стоявшая на берегу, подбѣжала къ нимъ. Объяскались. Сюда же на берегъ гостеприимная женщина принесла кофе. Вътѣ измученные близцы ничего не могли. Черезъ нѣсколько минутъ на берегъ выслапо все население деревушки. Бѣгачамъ радостно пожимали руки, что разспрашивали по-дѣтны и вичаги: «Русландъ, Англадъ, Данмаркъ, ивѣтъ, либъ, Ура!».

Устраивавшихъ л

